Текст · 28 мая 2022, 14:33
Эллиот Акерман,

Давид против Голиафа. Правда ли, что вместе с ракетным крейсером «Москва» пошла на дно целая военная эпоха

Потопленный украинцами ракетный крейсер «Москва» стал не только важной символической потерей для российских вооруженных сил, но и заставил многих военных задуматься, остаются ли традиционные вооружения столь же эффективными в эпоху мобильных точечных ударов, которые могут и не быть привязаны к местам интенсивных боев.

С разрешения издания *The Atlantic* «Медиазона» публикует перевод текста Эллиота Акермана, в прошлом американского морпеха и участника спецопераций в Афганистане и на Ближнем Востоке, а ныне писателя и журналиста, в котором тот рассуждает о перспективах ведения войны в XXI веке на фоне боев в Украине. В оригинале текст был опубликован 22 мая.

---

9 марта 1862 года, в разгар Гражданской войны в США, военный корабль северян «Монитор» вступил в бой с кораблем Конфедерации «Вирджиния». Четырехчасовая дуэль, ставшая первой в истории битвой броненосцев, закончилась вничью — и моментально выставила деревянные линкоры совершенно бесполезными и устаревшими.

7 декабря 1941 года Япония напала на Перл-Харбор. Если битва броненосцев ознаменовала окончательную победу железа над деревом, то

японская палубная авиация поставила точку в споре «кто сильнее: линкор или авианосец?», отправив на дно лучшие американские военные корабли всего за пару часов.

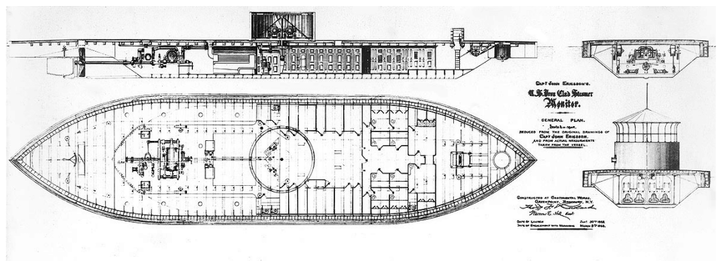

Схема военного корабля «Монитор». Фото: U.S. Naval Historical Center Photograph / Wikipedia

14 апреля 2022 года украинские военные потопили российский крейсер «Москва» при помощи противокорабельных ракет «Нептун». Этот удар заставил генералов ведущих мировых держав задуматься: а не новая ли это страница в военном деле? После 20 лет войн по следам терактов 11 сентября внимание вооруженных сил США впервые сосредоточено на армии соперника одного с ними уровня. В Пентагоне с подобными вызовами не сталкивались со времен холодной войны и готовы к коренным изменениям. Этот процесс сопровождается бурными спорами, особенно в корпусе морской пехоты.

Генерал Дэвид Бергер. Фото: history.navy.mil

В марте 2020 года генерал Дэвид Бергер, комендант корпуса морской пехоты, опубликовал

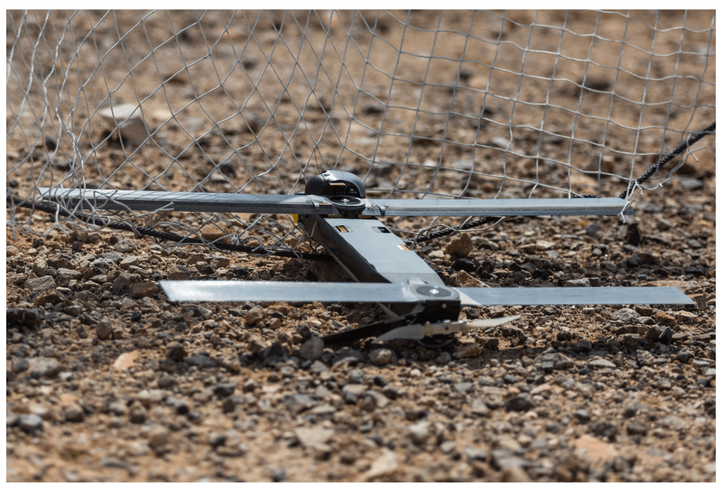
документ под названием *Force Design 2030* — стратегию развития и реорганизации морской пехоты: «Подготовка личного состава, оснащение, организация и доктрина корпуса морской пехоты не соответствуют требованиям стремительно меняющейся будущей оперативной обстановки». Под «будущей оперативной обстановкой» подразумевается потенциальный военный конфликт с Китаем в Тихом океане. Но во многих отношениях этот гипотетический конфликт напоминает текущую войну в Украине.

Вооруженные силы США «платформоцентричны»: армия опирается на танки, флот — на корабли, военно-воздушные силы — на самолеты, и все это технологически продвинутая и невероятно дорогая техника. Но война в Украине показывает, что основное средство поражения на земле — это не танк, а противотанковая ракета *Javelin.* Основное средство поражения в воздухе — не самолет, а противовоздушная ракета *Stinger.* А удар по крейсеру «Москва» показал, что основное средство поражения на воде — не военный корабль, а ракета «Нептун».

Бергер уверен, что теперь войны придется вести по-новому. В своей стратегии развития генерал подчеркивает: «Мы должны признать последствия распространения высокоточных ракет, снарядов и другого умного оружия — и также искать инновационные средства борьбы с этими угрозами». Вооружение, о котором пишет генерал, — это именно то, что позволяет ВСУ сжигать российские танки, сбивать российские вертолеты и топить российские военные корабли. Успехи «антиплатформоцентричного» украинского Давида

в борьбе с «платформоцентричным» российским Голиафом встречают восторгами на Западе, но события на поле боя в Украине выглядят тревожно для Голиафа американского.

Вооруженные силы США, как и России, исторически выстраивались вокруг тех же платформ — большой и дорогостоящей военной техники. Отказ от ведения войны с помощью таких средств чреват как социокультурными сложностями (как это, летчик без самолета? танкист без танка? матрос без корабля?), так и сложностями, связанными с перераспределением ресурсов. Перестраиваться придется не только самим вооруженным силам, но и оборонной промышленности. Ей придется отказаться от устаревающих высокобюджетных проектов — к примеру, авианосцев типа «Джеральд Р. Форд», каждый из которых стоит 13 млрд долларов, — в пользу новых, потенциально куда менее выгодных с точки зрения расходования бюджета технологий. Взять хотя бы дрон-камикадзе *Switchblade,* который может уничтожать танки, — он стоит всего 6 тысяч долларов за штуку.

Беспилотная система Switchblade 300 10C. Фото: Cpl. Alexis Moradian / U.S. Marine Corps via AP

Основная идея Бергера — нужно ужиматься. Несколько месяцев назад он объявил о сокращении численного состава корпуса морской пехоты. Все танковые подразделения, а также несколько пехотных батальонов, авиационных эскадрилий и

артиллерийских батарей будут расформированы. По словам Бергера, корпус «исходит из того, что дополнительные ресурсы выделяться не будут», поэтому «нужно отказаться от части существующих средств, чтобы высвободить ресурсы на столь необходимые новые средства».

Divest to invest (сокращение расходов в одной сфере ради развития другой) становится новым девизом морских пехотинцев, но не все согласны с таким подходом. Группа отставных генералов публично выступила против Бергера — беспрецедентный пример несогласия в рядах высшего военного командования.

Один из несогласных, предшественник Бергера на посту главы корпуса генерал Чарльз Крулак сетует: «Предлагается отказаться от мощнейших проверенных вооружений и закупать технику, которая все еще находится на стадии разработки. Нас представляют старыми пердунами, которые хотят, чтобы корпус морской пехоты всегда оставался таким же, как в старые добрые времена, как будто мы не понимаем, насколько важны технологии в современной войне. К действительности это никакого отношения не имеет».

Сбрасывать со счетов критику Крулака было бы ошибкой. За время нахождения на посту он внедрил несколько существенных инноваций и разработал стратегию, которая позволила морпехам оперативно отвечать на военные вызовы в мире после событий 11 сентября. При нем морская пехота взяла на вооружение конвертоплан *Bell V-22 Osprey*, первый в своем роде серийный летательный

аппарат с поворотными винтами, который является одновременно и самолетом, и вертолетом.

Стратегическое видение нынешнего коменданта Бергера тоже в некотором смысле уникально: в случае гипотетического конфликта с Китаем он предлагает перемещаться между островами в южной части Тихого океана взводами по 60–70 хорошо обученных и отлично оснащенных морских пехотинцев, которые будут наносить с этих плацдармов удары по китайскому флоту с помощью современных ракетных систем и прочих вооружений дальнего радиуса действия. Война на море, по мнению Бергера, выигрывается серией точечных ударов — примерно таких, какие были нанесены по крейсеру «Москва».

Крулак крайне скептичен в оценке такой стратегии: «Невозможно представить, чтобы морские пехотинцы могли незамеченными высадиться на спорных островах и получать туда снабжение. Кроме того, нельзя недооценивать мощь китайских вооруженных сил. Да, морпехи умеют хорошо стрелять и быстро перемещаться между позициями. Но умеют ли они уклоняться от китайских ракет? Все это приведет к большим потерям, а достать раненых и убитых будет крайне тяжело. Флот за ними точно не отправишь».

Впрочем, у Бергера есть и единомышленники. Например, адмирал Джеймс Ставридис, сорок с лишним лет отслуживший в Южно-Китайском море. «Армия будущего — это корпус морской пехоты сегодня, — говорит он. — Бергер делает очень важное дело». Сами морские пехотинцы часто говорят, что корпус должен быть лучше всего готов к ситуациям, к

которым хуже всего готова Америка. В 1930-е именно морпехи разработали доктрину десантных операций, которая во время Второй мировой позволила не только захватить ряд островов в Тихом океане, но и помочь сухопутным войскам освободить Европу. Морская пехота, по словам Ставридиса, всегда придавала огромное значение инновациям.

Необходимо понимать, что все это не просто споры внутри одного рода войск, а скорее серьезные размышления о том, как эффективно вести войну в ближайшие десятилетия: с помощью традиционных дорогих или с помощью перспективных и относительно дешевых вооружений. История знает немало таких примеров. Накануне Первой мировой войны многие старшие военные чины исповедовали «культ нападения»: они верили, что хорошо обученные войска могут вскрыть любую оборону. Этот принцип хорошо зарекомендовал себя во время Наполеоновских войн, но против казнозарядных винтовок и пулеметов начала XX века оказался неэффективным. Миллионы жертв и печально известные битвы на Марне и Сомме убедили генералов той эпохи, что нельзя просто бросать людей со штыками в прямую атаку.

Сет Моултон. Фото: moulton.house.gov

Сет Моултон, бывший морской пехотинец, ветеран войны в Ираке и член палаты представителей в комиссии по делам вооруженных сил, полагает, что генералы-консерваторы просто не отдают себе отчета в том, насколько сильно современные технологии меняют ситуацию на поле боя и как быстро военным необходимо к ним адаптироваться. «Если посмотреть, какие виды вооружений чаще всего просят украинцы, — говорит Моултон, — то это не какие-нибудь буксируемые гаубицы, а беспилотники с оружием на борту, противотанковые и противокорабельные ракеты».

Но что, если Бергер ошибается? Может ли его стратегия привести к тому, что корпус будет готов только к крайне узкоспециальному военному сценарию, который так никогда и не случится? По словам Моултона, тут нужно учитывать, что корпус всегда играл роль инкубатора новых идей. Морская пехота — один из самых малочисленных и гибких родов вооруженных сил. «У США достаточно ресурсов, чтобы дать корпусу все для войны, которой не будет, — говорит Моултон. — Но не дать денег на войну, которая уже идет, — непозволительная ошибка».

События в Украине, похоже, подтверждают гипотезу Бергера об успехе «антиплатформоцентричного» ведения войны. Первая мировая в свое время тоже показала, что оборона может быть сильнее нападения. Конечно, ничто не вечно, и на смену самым современным методам ведения войны придут еще более продвинутые. Когда мы заканчивали интервью,

генерал Крулак в очередной раз подчеркнул важность этой мысли: «Нужно быть осторожными и не извлечь из ситуации в Украине неправильные уроки. Вот смотрите: вы принимаете какие-то меры. Потом понимаете, что противник принял контрмеры. И вам уже нужно придумывать контрмеры на его контрмеры».

Французская линия Мажино. Фото: AP

Одной из самых известных контрмер, разработанных после окончания Первой мировой, стала французская линия Мажино — настоящая святыня «культа обороны». Но французы не учли один важный момент. За два десятилетия прогресс сильно ушел вперед: появились более совершенные танки, самолеты, были разработаны новые военные доктрины. Все это снова сместило баланс сил. Наступление вновь оказалось сильнее защиты. Во время блицкрига в июне 1940 года немцы попросту обошли якобы неприступную линию Мажино.

Бергеру и корпусу морской пехоты остается надеяться, что их стратегия не обернется новой линией Мажино, а убережет поколение американцев от собственной битвы на Сомме или «Москвы».

Автор: Эллиот Акерман

Оригинал: A Whole Age of Warfare Sank With the Moskva; The Atlantic, May 22, 2022

Перевод: Alex Dee